

Мамин-Сибиряк Д.Н. Бойцы. Очерки весеннего сплава по р. Чусовой. Свердловск; М., 1943.

Нечаев С.Д. Исследования о Пермском расколе в начале царствования императора Николая. М., 1893.

Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965.

Никонов В.А. Пласты русской топонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2. С. 168–173.

Никонов В.А. Белое пятно на карте // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 144–153.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири 1701 г. СПб., 1882.

Чупин П.О. Карта Екатеринбургского ведомства и провинции Соли-Камской, с прилегающими к ним уездами и частями уездов других провинций. 1734–1736.

Шувалов Н.Н. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Челябинск, 1982.

О.В.Смирнов

Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала

По историческим сведениям в XVII–XVIII вв. манси жили значительно южнее территории их современного расселения. Ясачные книги первой половины XVII в. отмечают в бассейне р. Южной Сосьвы, Туры и Тагила сосвинскую, лялинскую, туринскую и тагильскую сотни вогул с общим числом более 150 человек мужского пола (РГАДА, ф. 214, кн. 10). В “Чертежной книге” С.Ремезова 1701 г. вогульские юрты обозначены вдоль всего течения р. Южной Сосьвы, а также в верховьях р. Туры, выше г. Верхотурья, и в верховьях ее притока р. Салды. По данным карт и описаниям Г.Ф.Миллера, И.Г.Гмелина, П.С.Палласа, А.Эрмана, Г.П.Гельмерсена вогульские деревни на исследуемой территории еще существовали на протяжении XVIII – начала XIX в., но ко второй половине XIX в., т.е. к началу систематического научного изучения мансийского языка и культуры венгерскими и финскими учеными (А.Регули, Б.Мункачи, А.Каннисто и др.), местные манси в верховьях р. Южной Сосьвы, Туры и Тагила уже полностью обрусели. Во всяком случае, в материалах А.Регули, который в середине XIX в. объехал все территории, где еще только звучала мансийская речь, не найдено никаких сообщений о диалекте манси этих областей. То же самое фиксируют и материалы Б.Мункачи. Из русских исследователей Н.Сорокин, совершивший в 1870 г. по заданию общества есте-

ствоиспытателей при Казанском университете поездку на Урал для изучения вогул, также констатирует, что самой южной точкой, где они встретили манси и записали их речь, было устье реки Ивдель (Сорокин 1873).

Таким образом, незадолго до начала систематического научного изучения мансийского языка и его диалектов на обширных территориях к западу и юго-западу от бассейна р. Лозьвы и Пельма, в бассейне р. Чусовой, Тагила, Туры, Южной Сосьвы существовали мансийские говоры, вымершие в течение XVIII – первой половины XIX в.

Сведения о языке манси на этой территории крайне скудны. Имеется ряд словарных списков XVIII – первой половины XIX в., составленных в бассейне р. Южной Сосьвы, Туры, Тагила и Чусовой разными авторами. Некоторые обобщения по результатам анализа части этих списков содержатся в работах Я.Гуя (Гуя 1963; Gulya 1958, 1964). В условиях дефицита мансийских языковых фактов местная мансийская топонимия горных районов Среднего Урала становится ценным дополнительным источником сведений о языке аборигенов этого края.

Выявление мансийского топонимического пласта на Среднем Урале сопряжено с большими трудностями. В отличие от равнинных западномансийских и южномансийских районов в бассейне р. Лозьвы, Пельма и Тавды топонимия мансийского происхождения на территории р. Южной Сосьвы, Туры, Тагила и Чусовой имеет принципиально иной характер: мансийские названия в современной русской топонимии здесь очень редки, без больших скоплений рассеяны по всему ареалу и практически отсутствуют в микропонимии, представляя собой в основном речные гидронимы, часто относительно крупные (р. Калья, Турья, Салда и др.). Наряду с этим исследуемая территория характеризуется почти полным отсутствием субстратных мансийских включений в лексику местных русских народных говоров в отличие от русских говоров бассейна р. Пельма и Тавды (Матвеев 1958). Все это свидетельствует о незначительности, редкости здешнего мансийского населения, поверхностном характере русско-мансийских межэтнических контактов, а также является следствием интенсивных миграционных процессов в этих районах в течение XIX–XX вв.

Другая сложность состоит в том, что подавляющее большинство иноязычных названий в бассейне р. Южной Сосьвы, Туры, Тагила и Чусовой убедительного объяснения из мансийского языка не получает (р. Вяя, Ис, Атюс, Нясьма, Шурьш, Потяж, Токмыш, Пектыш, Висим, Сисим, Айва, Ясьва и мн. др.). В бассейне р. Южной Сосьвы таких названий среди топонимов иноязычного происхождения больше половины, в бассейне р. Туры, Тагила и Чусовой более двух третей.

Отчасти это объясняется тем, что к моменту русского заселения данный регион был зоной сложных межэтнических контактов, и заимствования топонимов в русский язык здесь могли идти не только от

манси, но и от коми и тюрков. Однако многие иноязычные (? субстратные) элементы были присущи и самой местной мансийской топонимии. Об этом свидетельствуют записи живых мансийских топонимов XVIII в. на р. Чусовой и на р. Туре, оставленные Г.Ф.Миллером, И.Г.Гмелиным, П.С.Палласом. Из сорока пяти мансийских названий на р. Чусовой, записанных Г.Ф.Миллером (РГАДА, ф. 199, оп. 2, п. 507, ч. 1, д. 4), от силы лишь треть находит мансийскую этимологию, причем, в основном это небольшие притоки в верхнем течении р. Серебряная. Остальные названия – немамансийского или неизвестного происхождения. Так, загадочный тип топонимов на -ыш / -иш, распространенный в бассейне р. Чусовой и в прилегающих районах р. Туры и Тагила, был до русских известен и местной мансийской топонимии: манс. р. *Schurisch-jä* (совр. Шурыш), манс. р. *Botisch-jä* (совр. Потяж) (Миллер). Судя по территории распространения и своему топоформантному оформлению (-я), топонимы **Выя** (4 названия в бассейне р. Туры и Тагила) были заимствованы русским языком из местной мансийской топонимии, хотя на мансийской почве они не объясняются. Отдельные названия, засвидетельствованные в живой мансийской топонимии XVIII в., могут быть объяснены из тюркских и коми языков: р. *Kyn-jä* (совр. Кын), ср. коми *кын* 'мерзлый, студеный' (Матвеев 1987, 108); р. *Tschischm-jä* (совр. Чизма), ср. тюрк. *чишма*, *шишме* 'ручей, ключ' (Матвеев 1987, 190); р. *Jul-jä* (совр. Серебряная), ср. тюрк. *jöl, jöl* 'дорога', 'ручей, горная речка' (Радлов 3, 552), это сравнение интересно тем, что название соседней **Утка** ранее в литературе сопоставлялось с венг. *út* 'дорога, путь' (Матвеев 1987, 182).

Изучение исторических и лингвистических данных приводит к выводу, что большинство иноязычных топонимов в верховьях р. Туры, Тагила и в среднем течении р. Чусовой, не объясняемых из мансийского языка, были унаследованы русскими из местной мансийской топонимии. Таким образом, возможно, что сами манси не были здесь коренным и достаточно древним населением, что еще больше усложняет местный топонимический ландшафт. Попытка расшифровки этого "субсубстратного" слоя – дело специального исследования. Приблизиться к этому можно будет лишь тогда, когда будет собрана исчерпывающая сопоставительная информация по всем прилегающим регионам с использованием архивных материалов. Целью же данной статьи является рассмотрение топонимических фактов, наиболее достоверно объясняемых из мансийского языка.

Поскольку в современной русской топонимии горной части Среднего Урала достоверного мансийского материала сохранилось очень мало (от силы два-три десятка названий), то в этих условиях единственная возможность почерпнуть какие-то дополнительные сведения об утраченной аборигенной топонимии – это исторические ис-

точники XVII–XVIII вв. В этих источниках в бассейне р. Южной Сосьвы, Туры, Тагила и Чусовой удалось дополнительно найти и идентифицировать с современными названиями несколько десятков несохранившихся мансийских топонимов, что составляет основную часть полученного материала.

Наиболее важным историческим источником являются записи ученых и путешественников XVIII в. Г.Ф.Миллера, И.Г.Гмелина, П.С.Палласа. Так, в архиве Г.Ф.Миллера (РГАДА, ф. 199) удалось обнаружить списки мансийских топонимов первой половины XVIII в. в бассейне р. Чусовой, Сылвы, Вагран общей численностью около 50 названий (п. 507, ч. 1, д. 4; п. 365, ч. 3, д. 6). Еще около 20 названий в бассейне р. Туры, Тагила, Ляли и Княсьпинских озер (среднее течение р. Южной Сосьвы), записанных от местных еще не обрусевших манси, содержат опубликованные дневники И.Г.Гмелина и П.С.Палласа (Gmelin 1752; Pallas 1773).

Картографические материалы характеризуются меньшей степенью надежности, так как часто содержат ошибки в форме топонимов, происходящие вследствие неквалифицированной фиксации незнакомых названий, неправильной их переписки с карты на карту, а также возможных опечаток. Тем не менее нельзя пренебрегать и картографическими материалами, поскольку на картах могут встречаться уникальные и вполне надежные факты. В качестве примера целесообразно привести “Чертежную книгу” С.Ремезова (Ремезов 1882). Многие факты, которые здесь зафиксированы, могут быть справедливо поставлены под сомнение, например, р. **Тыларь** (совр. **Тылай**), р. **Асампа** (совр. **Лямпа**), р. **Ехва** (совр. **Елва**, приток р. Лобва), р. **Гыя** (совр. **Выя**) и т.д. Они, скорее всего, обусловлены описками или неправильным прочтением оригинала (имеющийся чертеж является копией XVIII в.). Вместе с тем, там же обнаруживаются уникальные и достаточно точные свидетельства топонимии иноязычного происхождения. Например, в низовьях р. Лобва (бассейн р. Южная Сосьва) в “Чертежной книге” обозначена речка **Палнае**. Сравнительным путем установлено, что это современная речка **Коноплянка**, причем форма, засвидетельствованная у С.Ремезова, точно передает местный мансийский вариант названия, ср. **T polna**, **l panlä** ‘конопля’ (Munkacsı, Kalman 1986, 453), **T l p jē** ‘река’ (Steinitz 1955, 188). На этом же листе р. **Илим** в бассейне р. Чусовой названа **Ялымь**. Можно было бы не придавать значения этому факту, если бы не свидетельство Г.Ф.Миллера о том, что эта р. **Илим** по-вогульски называется **Jalym jä** (Миллер). Следовательно, в “Чертежной книге” достаточно точно отражена мансийская форма данного названия. Таким образом, очевидно, что первый российский атлас, как и другие древние картографические материалы, в некоторых случаях довольно последовательно и точно передает факты живой иноязычной топонимии, в настоящее время утраченные.

Засвидетельствованные мансийские топонимы в горной части Среднего Урала образуют непрерывный ареал от р. Южной Сосьвы через верховья р. Туры и Тагила на р. Чусовую и к верховьям р. Сылвы (см. карту 4). Наиболее крупные скопления фиксируются в местах, где исторически в XVIII в. отмечены последние вогульские поселения: в верхнем течении р. Южная Сосьва (в районе бывших Денежкиных юрт, мансийских юрт по р. Вагран и на оз. Большом Княсьпинском), в среднем течении р. Чусовая (в районе д. Копчик, Бабенки и вогульской деревни в среднем течении р. Серебряной, сведения о которой есть у Г.Ф.Миллера), в верхнем течении р. Тура (в районе вогульских д. Палкина и Чумпина). В целом данные топонимы отражают ареал расселения манси на Среднем Урале к началу XVIII в., когда началась поголовная христианизация местных вогул и интенсивное хозяйственное освоение этих земель русскими.

I. Мансийские географические термины в топонимии районов ранней ассимиляции манси

1. Речной топоформант **-я**. Соответствует манс. С *jā*, Т П Л *jē* 'река, речка' (Honti 1982, 141).

Этот формант употреблялся в местной мансийской топонимии повсеместно. Он мог прилагаться как к относительно крупным рекам (Турыя, Ляля, *Jul-jā* = совр. р. Серебряная), так и к весьма незначительным, например, при обозначении мелких притоков Княсьпинских озер (Тарја, *Jelpingja*). Г.Ф.Миллер отмечает для данного слова в чусовском диалекте широкое значение 'amnis, fluvius (водный источник вообще, любая речка)'. В современной русской топонимии речные гидронимы с мансийским формантом **-я** сохранились главным образом в верхнем течении р. Южной Сосьвы (р. Супрея, Калья, Сурья, Салья), в верхнем течении р. Туры и в бассейне её притока – р. Салда (р. Выя, Кипсия, Сорья, Пия, Юрья), в верхнем течении р. Сулем (р. Расья, Кутыя).

В некоторых картографических источниках XVIII в. в пределах ареала иногда встречается отражение форманта **-я** в варианте **-е**: р. Сопрое, Пуе, Палнае, Ташмье, Сорье. Этот вариант ближе к зап.-манс. и ю.-манс. диалектной форме соответствующего слова, ср. Т П Л *jē* 'река' (Honti 1982, 141). По всей видимости, такая форма отражает реальное произношение этого форманта в части местных мансийских говоров, ср. у Г.П.Гельмерсена в говоре д. Марсяты – *jðe* 'река' (Helmersen 1841, 75). По мнению Г.В.Глинских, замена **-е** на **-я** могла произойти на русской почве вследствие фонетической адаптации (Глинских 1972). Однако не следует исключать вероятность того, что в части местных мансийских говоров гласный на месте праманс. **i̯* (здесь и далее прамансийские данные приводятся в соответствии с книгой

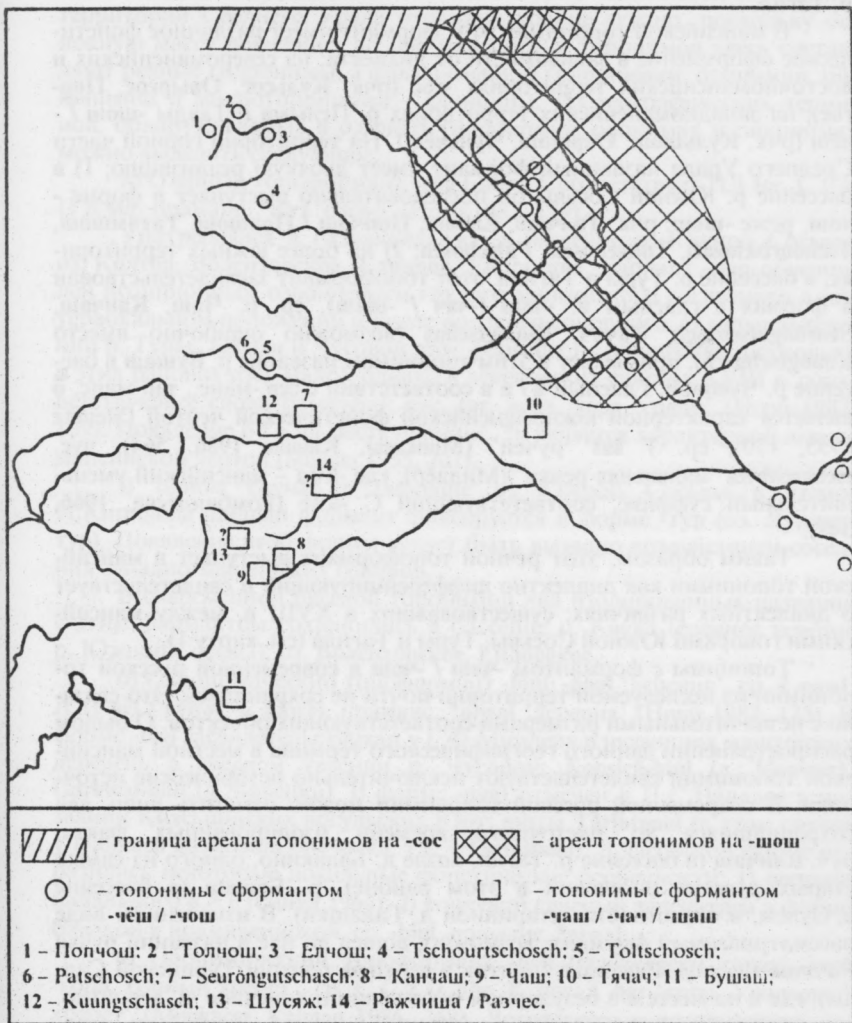
Л.Хонти, посвященной истории обско-угорского вокализма – Honti (1982) в данном слове был ближе к а / ä, что обуславливает его последовательное отражение в немецкоязычных источниках из бассейна р. Южной Сосьвы и Чусовой исключительно в виде -а или -ä, ср. Kunne-jä, Jow-jä, Tout-jä, Sel-jä, Tascham-jä и т.д. у Г.Ф.Миллера и Tarja, Jelpingja, Taltigä, Jilbugä у П.С.Палласа.

В записях П.С.Палласа, как видно выше, этот формант несколько раз зафиксирован в форме с начальным g вместо j: Taltigä, Jilbugä. Подобное употребление g вместо j встречается при передаче южномансийских слов (главным образом, чусовского диалекта) в рукописных вогульских словниках XVIII в., ср. у Г.Ф.Миллера: чус. ginna 'большой' (ср. jēni, janiy 'большой' (Steinitz 1955, 271)), чус. gū 'ночь' (ср. ji 'ночь' (Szilasi 1895, 221)) и др. (Миллер). Замена j > g в немецких источниках очевидно связана со спецификой произношения этого звука в местных мансийских говорах. Звук j в них мог позиционно произноситься наподобие фрикативного g особенно в начале слова и в интервокальной позиции. Графической подмене j > g могла способствовать специфика восприятия немцами такого звука как варианта g (своеобразной звонкой пары немецкому ich-Laut).

В связи с этим распространенные в бассейне р. Чусовой топонимы иноязычного происхождения, оканчивающиеся на -ка, -га типа р. Кашка, Ашка, Утка, Сарга и т.д., могут быть связаны с мансийскими названиями на -я, как это было ранее замечено Е.Э.Ивановой, исследовавшей топонимии р. Чусовой. Она предполагает, что при русской адаптации могло иметь место восприятие мансийского -я в качестве -га > -ка (Иванова 1993, 131–132). В последнее время получены фактические данные, подтверждающие возможную связь названий на -ка, -га с мансийскими топонимами на -я. Так, в архиве Г.Ф.Миллера при описании топонимии р. Чусовой обнаружена запись о том, что р. Кашка у местных вогул называлась Kasch-jä, а р. Сарга – Sari-jä (Миллер). В бассейне р. Тагил и Тура, в районах непосредственно примыкающих с востока к ареалу чусовской топонимии на -ка, обнаруживаются структурно схожие названия: р. Пачка, Вачка, Салка, Утка, Нолька. Предположительно они составляют единый ареал с подобными топонимами в среднем течении р. Чусовой. Этот ареал может отражать как мансийское диалектное единство, так и единство процессов усвоения иноязычной топонимии на этих территориях, интенсивное хозяйственное освоение которых русскими шло практически одновременно (в первой половине XVIII в.) в условиях тесных хозяйственных связей.

2. Речной топоформант -чаш, -чош. Соответствует манс. T šaš, Л П šoš, С šös 'ручей' (Munkacsi, Kalman 1986, 564).

Данный формант засвидетельствован исключительно на восточном склоне Урала (р. Тура, Тагил, Южная Сосьва). В топонимии бассейна р. Чусовой он отмечен единственный раз в верховьях р. Сулем,



карта 1. Ареалы мансийских топонимов с формантом, соответствующим север.-манс. сәс 'ручей'

т.е. на территории непосредственно соседствующей с верховьями р. Тагил.

В мансийской топонимии этот формант имеет различное фонетическое оформление в зависимости от диалекта: на северомансийских и восточномансийских территориях **-сос** (рчк. Куль**сос**, Овыр**сос**, Пор**сос**), на западномансийских территориях р. Пельма и Тавды **-шош / -чёш** (рчк. Куль**шош**, Овр**шош**, Чуньч**ёш**). На территории горной части Среднего Урала названный формант имеет двоякую реализацию: 1) в бассейне р. Южной Сосьвы он последовательно выступает в форме **-чош**, реже **-шош**: рчк. Тол**чош**, Ёл**чош**, Поп**чош** / Поп**шош**, Татам**шош**, Tschourtschosch, Toltschosch, Patschosch; 2) на более южных территориях, в бассейне р. Туры и Тагила, этот топоформант засвидетельствован в формах с гласным **а**: **-чаш** (**-чач** / **-шаш**), ср. р. Чаш, Канчаш, Seuröngutschasch, Тячач, Kuungtschas (возможно ошибочно вместо Kuungtschasch), примыкает к этим топонимам название р. Бушаш в бассейне р. Чусовой. Гласный **ā** / **а** в соответствии с сев.-манс., зап.-манс. **ō** является характерной южномансийской фонетической чертой (Steinitz 1955, 170), ср. Т šaš 'ручей' (Munkacsi, Kalman 1986, 564), чус. tschaschkwa 'маленькая речка' (Миллер), где **-kwa** – мансийский уменьшительный суффикс, соответствующий С **-kwe** (Ромбандеева, 1966, 348).

Таким образом, этот речной топоформант выступает в мансийской топонимии как диалектно дифференцирующий и свидетельствует о диалектных различиях, существовавших в XVIII в. между мансийскими говорами Южной Сосьвы, Туры и Тагила (см. карту 1).

Топонимы с формантом **-чаш / -чош** в современной русской топонимии на исследуемой территории почти не сохранились. Это связано с незначительными размерами соответствующих объектов. О былом распространении данного географического термина в местной мансийской топонимии свидетельствуют исключительно исторические источники. В современной русской топонимии можно отметить лишь два сохранившихся до настоящего времени изолированных факта: руч. Канчаш (в бассейне р. Тагил, возле д. Балакино, одного из самых старых русских поселений в этом районе), р. Бушаш (в бассейне р. Сулем, в окрестностях старинной д. Галашки). В измененном виде рассматриваемый формант, возможно, дошел до нас в названии ручья Рачиша / истор. Ражчиша (приток в верхнем течении Туринской Салды), где и на месте **а** в безударном положении и конечное **-а**, вероятно, являются результатом русской адаптации; в основе может быть отражено ю.-манс. ***gāš**, сопоставляемое с С Л **gōš** 'песчаный берег' (Szilasi 1895, 391), ср. название р. Песчанка, распространенное в русской топонимии этого района, а также название р. Расья в бассейне р. Чусовой (Иванова 1993, 130).

3. Другая географическая номенклатура в мансийской топонимии территории Среднего Урала отражена крайне скудно, поскольку основную массу дошедших до нас мансийских топонимов здесь составляют речные гидронимы, а факты озерной гидронимии, оронимии, ойконимии и микротопонимии – единичны. Из географических терминов, обнаруживаемых в озерных гидронимах, оронимах и ойконимах можно выделить следующие:

а) Озерный топоформант **-тор (-дор)**. Соответствует НЛ *tor*, С СЛ П К *tūr*, праманс. **tūr̥z* 'озеро' (Honti 1982, 139).

Употреблялся в названиях озер в бассейне р. Южной Сосьвы: оз. Колтор, Воленторское, Елпидор, Ендорское. Вариант **-дор** обусловлен позиционным озвончением глухого мансийского согласного в интервокальном положении и после носового сонорного. В верхнем течении р. Туры, Тагила и Чусовой этот формант не обнаружен (поскольку в этих районах озер мало), однако в лексических списках XVIII в. соответствующее слово отмечено: чус. *tor*, верх. *тора* 'озеро' (Honti 1982, 139). Появление *ō / o* на месте праманс. **ū* является характерной южно-мансийской чертой (Steinitz 1955, 207).

В одном случае в бассейне р. Южной Сосьвы в атласе И. Кирилова данный формант фиксируется в форме **-тур** (оз. Луплинтур). Появление этой формы может быть вызвано воздействием соседних западно-мансийских говоров.

В современной русской топонимии два изолированных названия с этим формантом сохранились в бассейне р. Каква (среднее течение р. Южной Сосьвы): оз. Воленторское, Ендорское.

б) Ойконимический топоформант **-биул, -пвал** 'деревня', ср. Т *pawl*, Л П *pēl / pēwəl*, С *pāwəl*, праманс. **pīwəl* 'деревня' (Honti 1982, 175). В форме **-биул** засвидетельствован у Г.Ф. Миллера в названиях мансийских деревень в среднем течении р. Чусовой: *Kopsich-biul* (д. Копчик), *Garewal-biul* (д. Бабенки). В форме **-пвал** отмечен у П.С. Палласа в названии Князьпинских вогульских Юрт: юрты *Tarjatpual* (в этом случае у Палласа возможна опечатка, т.е. ? *Tarjatpaul*). В чусовской форме отразились некоторые локальные фонетические особенности: 1) переход начального *p > b* (Gulya 1964); 2) корневой гласный запечатлен в форме близкой к прамансийской, ср. **-биул**, праманс. **pīwəl*.

в) Оронимический топоформант **-иёр** (графически также **-иер**) 'гора, горный хребет', ср. С СЛ П *ñōr*, К *ñor*, Т *ñār* 'гора, Уральский хребет' (Munkacsı, Kalman 1986, 368). Встречается в исторических источниках в бассейне р. Южной Сосьвы для обозначения высоких гор основного Уральского хребта: г. Колтнера / Колтиора (совр. Денежкин Камень), Казенер (совр. Ольвинский Камень, ср. также совр. г. Козмер), *Pauto-Nior* (совр. Павдинский Камень). На более южных территориях Среднего Урала (бассейн р. Туры, Тагила) ему могут соответствовать названия гор на **-нар** (Качканар, Бунар), на что ранее указывал

А.К.Матвеев (Матвеев 1961). Появление гласного *ā* / *a* на месте *o* других диалектов здесь закономерно (ср. формант *-чаи*). Затруднения вызывает твердый согласный *н* в современных русских топонимах, а также их основы, которые не получают удовлетворительного объяснения из мансийского языка. В пользу первоначальной мягкости звука *н* в названии **Качканар** свидетельствуют наиболее древние фиксации этого названия, относящиеся к первой половине XVIII в.: на ландкартах 30–40-х гг. и в Российском Атласе 1745 г. современная р. Гусева, текущая с г. Качканар, называется **Кочканер** или **Кискеняр**. Последующее отверждение *н* можно объяснять по-разному. В частности, нельзя исключать тюркского влияния, поскольку в освоении верховьев р. Туры в XVIII–XIX вв. вместе с русскими активное участие принимали татары, их старое поселение возле г. Качканар до сих пор существует в н.п. Верхняя Косья.

г) Оронимический топоформант *-ur* (*-ур*) ‘гора’, ср. С Л *ur*, П *vur*, Т *or* ‘гора, возвышенность’ (Munkacsi, Kalman 1986, 701). В составе оронимов данный термин на исследуемой территории засвидетельствован один раз в бассейне р. Южной Сосьвы: г. **Torwätur** / **Торвятур** (совр. г. **Княсьпинская** / карт. **Угловая**) ‘гора у берега озера’, ср. *тор* ‘озеро’, *-wät-* = С *wāta*, Л П *wēta* ‘берег’ (Honti 1982, 197). Гора находится на берегу Княсьпинских озер.

д) В бассейне р. Чусовой и Тагила в названиях прибрежных скал использовался формант *-ku* / *-kue* ‘камень’, ср. чус. *ku* (Миллер), Т *kū* ‘камень’ (Munkacsi, Kalman 1986, 202): ск. **Jelping-Kue** (совр. **Медведь-Камень**, бассейн р. Тагил), ск. **Amtzuk-ku** (совр. ск. **Мултык**, бассейн р. Чусовая), ск. **Chantschemakue** (совр. **Писанный Камень**, бассейн р. Чусовая) (Миллер).

II. Мансийская топонимия районов ранней ассимиляции манси как источник сведений о языке местных вогул

Несмотря на определенные диалектные различия, проявляющиеся в фонетическом оформлении и распространении географических терминов-формантов, мансийские топонимы территории ранней ассимиляции манси характеризуются некоторыми общими особенностями, свидетельствующими в пользу исторической близости данных говоров. Особенности эти имеют южномансийский характер.

Наиболее ярко это проявляется в отношении говоров бассейна р. Туры, Тагила и Чусовой. Топонимические и лексические свидетельства с этих территорий демонстрируют близость к южномансийским тавдинским говорам и бывшее тесное родство мансийских диалектов в регионе от р. Тавды до р. Чусовой.

Одним из наиболее показательных примеров в этом плане является название р. *Seuröngutschasch*, засвидетельствованное П.С.Палласом в верхнем течении р. Туры. Поскольку в немецкой графике *eu* передает [oi], то чтение топонима должно быть [soiröngučas̥]. Этимологический анализ показывает, что топоним делится на 3 компонента *soiröng-gu-čas̥* (два *g* у автора стянуты в одно): 1) *soiröng* = Т *sajraŋ* / *sajraŋ*, П *sairiŋ* (Munkacsi, Kalman 1986, 515), чус. *sairang* 'белый' (Миллер). Следует отметить, что это слово наиболее характерно именно для южной части ареала манси, на более северных территориях ему соответствуют слова *jan̄k* и *voiken*; 2) *gu* = *ku* (в соседстве с сонорным глухой согласный в мансийском языке закономерным образом подвергается медиализации) = чус. *ku* (Миллер), Т *kū*, ср. П СЛ К *käw*, НЛ *kew*, С *kaw* 'камень' (Munkacsi, Kalman 1986, 202). В подобном фонетическом оформлении данное слово отмечается и в других топонимах бассейна р. Туры и Чусовой: *Kuungtschas* 'каменный ручей' (Pallas 1773), ск. *Amtzuk-ku* 'старик-камень' (Миллер); 3) *tshasch* (*čas̥*) = чус. *tshaschkwa* 'речка' (Миллер), Т *šaš*, ср. П *šoš*, С *sōs* 'ручей' (Munkacsi, Kalman 1986, 564), т.е. 'белокаменный ручей' или 'ручей с белым камнем'.

Правильность этимологии подтверждается реальней и русским названием речки. По свидетельству Палласа, здесь было расположено месторождение белого мрамора (Pallas 1773, 218), благодаря этому данный топоним можно однозначно идентифицировать с названием современной р. *Мраморная* в нескольких километрах к западу от бывшей д. *Карелино*. Под "белым камнем" в мансийском названии имеется в виду белый мрамор, выходящий здесь к Туре белыми скалистыми обнажениями.

Из наиболее важных южномансийских фонетических особенностей, характерных для топонимов исследуемого региона, можно выделить следующие:

1. Наличие *k* в соответствии с сев.-манс. *x*.

Это засвидетельствовано в многочисленных топонимах с начальным *k*- на всей территории от р. Южной Сосьвы до р. Чусовой, ср. р. *Калья* от манс. С *xāl*, Л П К *khāl*, Т *khāl* 'береза' (Munkacsi, Kalman 1986, 74); р. *Kunne-jä* (совр. р. *Оленья*), от манс. Л П *khunnä* 'олень' (Munkacsi, Kalman 1986, 124); р. *Корья* (совр. р. *Оленья*), ср. С *xār*, Л П *khōr*, Т *khār* 'самец оленя' (Munkacsi, Kalman 1986, 82) и др.

Звук *k* в этих диалектах, как и в известных южномансийских и западномансийских говорах имел более заднее по сравнению с русским языком образование – [kh]. Об этом свидетельствуют записи Г.Ф.Миллера в бассейне р. Чусовой: р. *Chabytalt-jä* (совр. р. *Кокуй*) 'речка лодочной пристани', ср. С *xār* 'лодка' (Honti 1982, 154), *tält* 'пристань' (Munkacsi, Kalman 1986, 622); ск. *Chantsehemakue* (совр. *Пи-*

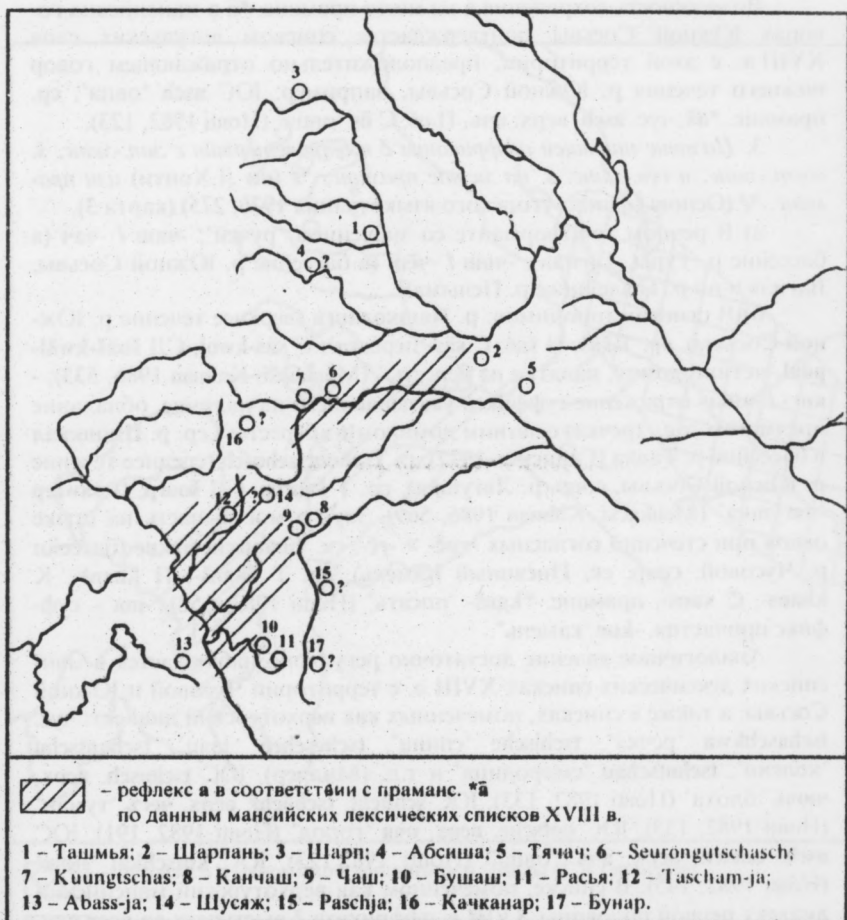
санный Камень) 'писанный камень', ср. С ханс- 'писать' (Honti 1982, 152); в лексических списках чувовского диалекта у Г.Ф.Миллера: *chorom* 'три', *chollas* 'человек', *chos* 'слуга', но в этом же списке *katal* 'день', *koom* 'человек, мужчина', *kol* 'рыба' и т.д. Непоследовательность в записи соответствующего звука у Г.Ф.Миллера в виде *ch* / *k* может отражать его специфичный характер типа [kh].

2. *Сохранение праманс. *ā в соответствии с зап.-манс., вост.-манс. и сев.-манс. ā* (карта 2).

Наиболее ярко эта особенность проявляется в бассейне р. Туры, Тагила и Чусовой в форме мансийского гидроформанта со значением 'ручей' -*чаш* (-*чач* / -*шаш*) (см. выше).

Наличие *а* (долгота гласных применительно к мансийским говорам исследуемой территории здесь и далее не обозначается, учитывая непоследовательность в отражении долготы гласных во всех мансийских диалектах, кроме северных – Honti 1982, 42–43) в соответствии с зап.-манс., вост.-манс. и сев.-манс. *ā* наблюдается на этой территории и в ряде других топонимов: р. *Tascham-ja* (бассейн р. Чусовая, *совр.* р. Сухая), ср. чув. *tascham* 'сухой' (Миллер), Т *tāšām*, Л П *tōšem*, С *tōsam* 'сухой' (Munkacsi, Kalman 1986, 664); р. *Abass-ja* (бассейн р. Чусовая, *совр.* р. Медведка), ср. чув. *aba* 'медведь' (Миллер), Т *āpā*, Л С *ōpa* 'медведь' (Munkacsi, Kalman 1986, 388), исход -*ss* пока неясен, возможно это отражение собирательного мансийского суффикса, ср. суффикс -*aši* (Основы финно-угорского языкознания 1976, 285); р. *Расья* (бассейн р. Чусовая), ср. С Л *rōs* 'песчаный берег' (Szilasi 1895, 391); возможно сюда же: р. *Paschja* (бассейн р. Тагил, *совр.* р. Шайтанка), ср. С *pās* 'жертва' (Munkacsi, Kalman 1986, 463).

В мансийской топонимии Южной Сосьвы в соответствии с праманс. **ā* обнаруживается главным образом *о*: -*чош* / -*шош* 'ручей', ср. р. *Попчош* (Попшош), *Толчош* (2 раза), *Елчош*, *Татамшош*, *Tschourtschosch*, *Patschosch*. Однако, отдельные случаи сохранения **ā* отмечаются и здесь: р. *Ташмья* (среднее течение р. Южная Сосьва), ср. р. *Tascham-ja* в бассейне р. Чусовой; р. *Шарп* (верхнее течение р. Южная Сосьва), р. *Шарпань* / *истор.* *Шарпань* (нижнее течение р. Южная Сосьва), ср. манс. С *sōrp*, НЛ *šōrp* / *šārp*, П *šōrp* 'лось' (Munkacsi, Kalman 1986, 563). Относительно р. *Шарпань* информанты из числа местных жителей особо отмечают, что раньше там *лось* было много. Конечное -*нь* / -*нъ* в данном случае является отражением мансийского суффикса отсубстантивных прилагательных -*η*; р. *Абсиша* (среднее течение р. Южной Сосьвы, *совр.* р. Медведка). В этом топониме, возможно, отражено ю.-манс. *aba* 'медведь' (ср. выше р. *Abass-ja*), конечное -*сиша* может быть искажением мансийского термина со значением 'ручей'. Данная речка впадает в р. Шайтанка и протекает недалеко от вогуль-



карта 2. Мансийские топонимы в рефлексом я в соответствии с праманс. *ā

ского святилища в Белой горе, о котором упоминает еще Лепехин (Лепехин 1814, 85).

Возможность сохранения а на месте праманс. *ā в мансийских говорах Южной Сосьвы подтверждается списком вогульских слов XVIII в. с этой территории, предположительно отражающем говор нижнего течения р. Южной Сосьвы, например: ЮС asch 'овца', ср. праманс. *āš, чус. asch, верх. ачь, П оš, С ōš 'овца' (Honti 1982, 123).

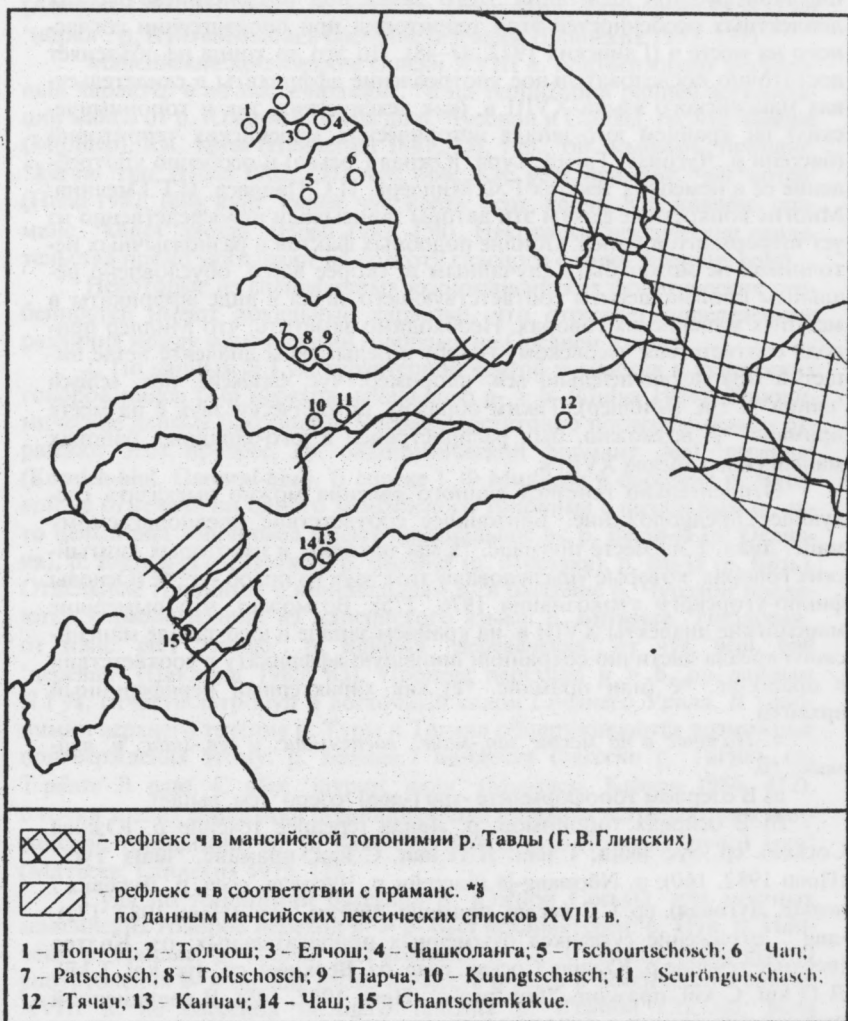
3. *Цилиндр шипящей аффрикаты š в соответствии с зап.-манс. š, вост.-манс. и сев.-манс. s, на месте праманс. *š (по Л.Хонти) или праманс. *ǣ* (Основы финно-угорского языкознания 1976, 275) (карта 3).

а) В речном топониме со значением 'ручей': -чаш / -чач (в бассейне р. Туры, Тагила), -чош / -чѣш (в бассейне р. Южной Сосьвы, Вагиля и по р. Тавде ниже р. Пельма).

б) В основах топонимов: р. Чашколапта (верхнее течение р. Южной Сосьвы), ср. Т šāš, П šāš, С sās 'береста'; С sās-kwol, СЛ šoāš-kwāl-pool 'летний домик, палатка из бересты' (Munkacsi, Kalman 1986, 533); -ант / -аны- отражение суффикса указывающего на наличие, обладание предметом, т.е. '(речка) с летним домиком из бересты', ср. р. Шапквал в бассейне р. Тавда (Глинских 1972); р. Tschourtschosch (среднее течение р. Южной Сосьвы, совр. р. Лягушка), ср. Т šaurep, СЛ šourp, С sawrep 'лягушка' (Munkacsi, Kalman 1986, 569). Звук р мог выпасть на стыке основ при стечении согласных -rpč- > -rč-; ск. Chantschemakue (бассейн р. Чусовой, совр. ск. Писанный Камень), ср. Т khanš-, П khanš-, К khans-, С хans-, праманс. *kanš- 'писать' (Honti 1982, 152), -ma – суффикс причастия, -kue 'камень'.

Аналогичное явление достаточно регулярно наблюдается в мансийских лексических списках XVIII в. с территории Чусовой и Южной Сосьвы, а также в списках, помеченных как верхотурский диалект: чус. tschaschkwa 'речка', tschische 'спина', tscheschen 'заяц', tschantschu 'колени', tschotschau 'смородина' и т.д. (Миллер), ЮС tschusch, верх. чючь 'блоха' (Honti 1982, 133), ЮС schücht, tschücht, верх. черъ 'туман' (Honti 1982, 133), ЮС ootsche, верх. оча 'город' (Honti 1982, 191), ЮС asch, ootsch, верх. ачь 'овца' (Honti 1982, 123), ЮС kotschkai 'нож' (Honti 1982, 145). В списке, помеченном как верхотурский мансийский диалект первой половины XVIII в. аффриката š выступает во всех случаях на месте праманс. *š. В бассейне р. Чусовой, Туры, Тагила и в топонимии Южной Сосьвы отмечается ее позиционный характер. Здесь она встречается, главным образом, в начале слова в случае, если в основе слова далее следует еще один звук š (š), или после носового сонорного n (ср. tschantschu, Chantschemakue).

Это фонетическое явление не характерно для других мансийских диалектов XIX–XX вв. Параллели ему наблюдаются в топонимии юж-



карта 3. Мансийские топонимы с рефлексом ч на месте праманс. *ʃ

ной части ареала мансийских топонимов бассейна р. Тавда (р. Вагиль, низовья р. Пелым и р. Тавда ниже Пельма), где появление ч в субстратных топонимах на месте зап.-манс. § Г.В. Глинских объясняет спецификой русской адаптации этого звука под воздействием русских диалектных особенностей этой территории при произнесении согласного на месте ч (Глинских 1972, 47–48). Но это до конца не объясняет достаточно последовательное употребление аффрикаты в свидетельствах мансийского языка XVIII в. (как лексических, так и топонимических) на крайнем юго-западе исторических мансийских территорий (бассейн р. Чусовая, Тагил, Тура, Южная Сосьва) и особенно употребление её в немецких текстах Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.Г. Гмелина. Многие конкретные факты эти авторы записывали непосредственно из уст информантов манси. Обилие подобных фактов в разноязычных источниках не может быть случайным и, скорее всего, обусловлено реальным произношением соответствующего звука в виде аффрикаты в местных мансийских говорах. Необходимо заметить, что Миллер приводя соответствия чусовскому говору в пельмском диалекте везде пишет в нем исключительно *sch*, например: чус. *tschische*, пел. *schisch* 'спина' и т.д. (Миллер). Таким образом, исторически звук *š* на месте праманс. **š*, возможно, был распространен в юго-западных районах мансийского ареала XVIII в.

Относительно генезиса данного явления можно высказать следующее предположение. Ближайшее соответствие предполагаемому манс. диал. *š* на месте праманс. **š* мы находим в некоторых хантыйских говорах, которые унаследовали этот звук из праоб.-уг. **š* (Основы финно-угорского языкознания 1976, 275). Возможно, что вымершие мансийские диалекты XVIII в. на крайнем западе и юго-западе мансийского ареала частично сохранили шипящую аффрикату в соответствии с праоб.-уг. **š* (или праманс. **š*) как характерный периферийный архаизм.

4. Наличие *o* на месте зап.-манс., вост.-манс. и сев.-манс. *ü*, праманс. **ü*.

а) В озерном топоформанте -*тор* (-*дор*) 'озеро' (см. выше).

б) В основах топонимов: р. Лонда (среднее течение р. Южная Сосьва), ср. чус. *lonta*, Т *lōnt*, Л П *lunt*, С *lūnt*, праманс. **lūntz* 'гусь' (Honti 1982, 160); р. Nõrmang-jä (бассейн р. Чусовая, совр. р. Луковка / истор. Луговая), ср. СЛ *lurəm*, праманс. **lūrmez* 'луг' (Honti 1982, 172), -*ang* отражение суффикса отыменных прилагательных; оз. Колтор (верхнее течение р. Южная Сосьва, совр. оз. Верхнее), ср. чус. *kol*, Т *kōl*, Л П *kul*, С *xūl*, праманс. **kūl* 'рыба' (Honti 1982, 148). В современной русской топонимии в окрестностях есть небольшое озеро с названием Рыбное.

В отдельных случаях о отмечается и на месте краткого *u: р. Chontal-ja (бассейн р. Чусовая, совр. р. Бобровка), ср. манс. quontel' (Ahlqvist 1891, 23) 'бобр', С хунтыль (Баландин, Вахрушева 1958, 144) 'норка', р. Кунтелепшош в бассейне р. Тавды (Глинских 1972, 177).

Мансийские лексические списки XVIII в. подтверждают регулярный характер о на месте праманс. *ū на территории ранней ассимиляции манси от р. Южной Сосьвы до р. Чусовой и Сылвы, ср. чус. chorom (Миллер), ЮС korm (Helmersen 1841, 75), тур., таг. кьоромъ, праманс. *kūrəm 'три' (Honti 1982, 157); чус. woot, ЮС poht, праманс. *pūt 'котел' (Honti 1982, 180); кунг. конся, чус. konza, верх. конча, ЮС koondse, праманс. *kūñéz 'звезда' (Honti 1982, 154). Некоторые лексические свидетельства прямо указывают на долготу гласного о (woot, koondse, poht).

Некоторые из специфичных южномансийских фонетических особенностей имеют локальный характер, что отражает определенные различия между мансийскими говорами на Среднем Урале:

1. По данным Я.Гуя, характерной чертой чувовских и кунгурских говоров манси был переход начального р- > b- (Gulya 1964). Топонимические данные бассейна р. Чусовая достаточно последовательно отражают этот процесс, ср. ойконимический формант -biul 'деревня' (Kopsich-biul, Garewal-biul). В списке Г.Ф.Миллера в бассейне р. Чусовой не отмечено ни одного мансийского топонима с начальным р-, зато целый ряд топонимов имеют инициальное b-: р. Bossa-jä (р. Ослянка), р. Botisch-jä (р. Потяж), р. Busor-jä (р. Мусорка), р. Bis-jä (р. Бизь). Отдельные топонимы с инициальным b- в бассейне р. Чусовой поддаются этимологизации из мансийского языка: р. Битимка "гнездовая" от манс. pit'i 'гнездо', р. Bolimka "деревенская" от чус. beol, biul 'деревня' (Паклина 1985, 83). Процесс перехода р > b, по данным Я.Гуя, отчасти затронул и восточный склон Среднего Урала. В топонимии верхнего течения р. Туры и Тагила обнаруживаются возможные подтверждения этому: р. Бандея / Бандейка (бассейн р. Тагил), ср. T pānte Л pānt, С pānt 'шурин, дядя' (Munkacsí, Kalman 1986, 412), с точки зрения семантики подобного рода названия встречаются в мансийской топонимии, ср. р. Ванс-Сос (бассейн р. Лозьвы) 'ручей зятя' (Матвеев, Глинских 1975, 12).

Судя по топонимии бассейна р. Южной Сосьвы, для местных мансийских говоров переход р- > b- был нехарактерен: р. Пуя, р. Попчош, р. Палнае, р. Парча, р. Patschosch и т.д. Спорадические факты употребления b- в начале слова на месте р- есть в лексическом списке XVIII в. из бассейна нижнего течения р. Южной Сосьвы: bunn 'волосы', bong 'хвост', botte 'утка' (Gulya 1964). Таким образом, территория нижнего течения р. Южной Сосьвы была границей распространения этого диалектного явления.

2. Локальный характер, ограниченный территорией р. Чусовой, имеет употребление свистящей аффрикаты с (ts) (графически z, tz) в соответствии с праманс. мягкой шипящей аффрикатой *č, ю.-манс. č (tš), зап.-манс., вост.-манс. и сев.-манс. š, ср. ск. Amtzuk-ku ("старик-камень" в переводе Г.Ф.Миллера, бассейн р. Чусовая, совр. ск. Мултык) = Л С aňšux 'старик' (Szilasi 1895, 24). В лексических списках XVIII в. с территории р. Чусовой звук, соответствующий праманс. *č ни разу не отражается в виде шипящей аффрикаты типа č (tš), как в тавдинских говорах, вместо этого он регулярно выступает в виде свистящей аффрикаты, особенно в начале слова и в сочетании с согласным: *zafgo* 'цветок', *ziok* 'соль', *tonzeng* 'высокий', *konza* 'звезда' (Миллер).

На восточном склоне Среднего Урала данный звук ближе к ю.-манс. тавдинским говорам, поскольку в лексических списках XVIII в. и в топонимии р. Туры, Тагила и Южной Сосьвы он регулярно фиксируется в форме шипящей аффрикаты (графически ч / tsch / dsch): ЮС *tschach* 'соль' (Helmersen 1841, 76); ЮС *mandscha* 'манси' (Миллер); верх. вочагь, ср. праманс. *wašak 'грязь' (Honti 1982, 190) и р. Вачка (приток р. Тура). Ср. также топонимы: р. Пачка (приток р. Тагил), Т *pašk*- 'покрывать глиной' (Steinitz 1955, 240); р. Оча (бассейн р. Южная Сосьва), ср. С *ošša* 'узкий' (Munkacsi, Kalman 1986, 396).

3. В верхнем течении р. Тура часть топонимов имеют локальные фонетические особенности в большей мере сближающие их с ю.-манс. тавдинскими говорами, нежели с соседними чусовскими. Кроме шипящего характера аффрикаты на месте праманс. *č, примером может служить ряд топонимов, в которых с большой долей вероятности можно предполагать сужение праманс. *š > u, по типу части тавдинских говоров, представленных говором н.п. Городок (Steinitz 1955, 252) (в чусовском диалекте соответствующие факты пока не известны, ср. чус. *niokza* 'соболь', *kotöng* 'лебедь', *okschar* 'лиса' (Миллер)); р. Нюкса (бассейн р. Салда), ср. ТГ *ñuxs* 'соболь' (Steinitz 1955, 256), праманс. *ñškas (Honti 1982, 170) и р. Нюкса (бассейн р. Тавды) (Глинских 1972); р. Нюя (бассейн верхнего течения р. Тура), ср. праманс. *ñšw 'лось' (Honti, 169), *ñuw > *ñū; р. Кушья (бассейн верхнего течения р. Тура, совр. р. Кушва), ср. Т *khušö* / *khošö* (Munkacsi, Kalman 1986, 110), П *koša*, С *xosa* 'длинный' (Steinitz 1955, 255). В современной русской топонимии верховья р. Туры, выше р. Кушвы называют Долгая Тура.

Переход праманс. *š > u на данной территории может быть достаточно молодым явлением, поскольку наиболее древние источники фиксируют название р. Кушья / Кушва в форме Кошья (Ремезов 1882), а название р. Нюя в форме Неунья (возможное чтение: Нёунья) (Кирилов 1959) (-н- в форме Неунья – отражение мансийского суффикса отыменных прилагательных η). В свою очередь, близость этого специфического фонетического явления к тавдинскому говору XIX в. н.п.

Городок может свидетельствовать или о соответствующих миграциях части мансийского населения на Тавду, при вытеснении его из бассейна р. Туры, или с тесных связей мансийских говоров Туры и Тавды в XVII–XVIII вв., охватываемых одними инновационными изоглоссами.

В бассейне р. Южная Сосьва в судьбе праманс. **ǵ* подобная южномансийская черта отмечена лишь один раз в лексическом списке XVIII в.: ЮС *bulna* ‘конопля’ (Gulya 1964), ср. праманс. **p̥l̥na* ‘конопля’ (Honti 1982, 177). Этот факт, как и сам список в лингвистическом плане на территории Южной Сосьвы изолирован. В топонимических свидетельствах с территории Южной Сосьвы в отражении праманс. **ǵ* наблюдаются прямо противоположные черты, сближающие этот диалект с соседними зап.-манс. говорами: праманс. **ǵ* > а после губных согласных, что является специфичной чертой соседних зап.-манс. лозьвинских и вагильских говоров (Steinitz 1955, 252): р. Палнае (совр. р. Коноплянка), ср. Т *pol̥na* / *pul̥nā*, Л *panl̥ä*, П *p̥anl̥e*, С *ponal* ‘конопля’ (Munkacsi, Kalman 1982, 453); р. Патья (нижнее течение р. Южной Сосьвы), р. Patschosch (бассейн р. Ляля), ср. Т *put* / *pot*, П *p̥āt*, Л С *pat* ‘утка’ (Munkacsi, Kalman 1986, 420); р. Парча, ср. Т *p̥ör̥eš*, Л *parš*, С *pors* ‘нечистоты, грязь’ (Munkacsi, Kalman 1986, 457).

Свидетельства мансийской топонимии на Среднем Урале и сопоставление их с фактами лексических списков XVIII в., позволяет предположить, что в начале XVIII в. близкие друг другу южномансийские говоры занимали обширную территорию между р. Тавдой и р. Чусовой южнее 59 параллели.

Что касается говоров в бассейне р. Южная Сосьва, то они ранее, по всей видимости, находились под сильным южномансийским влиянием (или исходно имели южномансийскую основу). Об этом свидетельствует наиболее архаичный список слов XVIII в. с этой территории, имеющий ярко выраженный южномансийский характер. Южномансийское влияние могло сказаться в консервации здесь некоторых архаичных черт (наличие аффрикат, спорадическое сохранение праманс. **ā*) и распространении древних инновационных южномансийских тенденций (переход **ū* > *ō*). Однако с течением времени под воздействием соседних западномансийских диалектов, здесь распространяются соответствующие языковые черты: 1) лабиализация праманс. **ā* и переход его в *ō*. По мнению В.Штайница, это явление начинается в сев.-манс., вос.-манс. и зап.-манс. диалектах в XVII в. (Steinitz 1955, 175). Территория Южной Сосьвы полностью попала в ареал распространения этого явления (ср. распространение форманта -*чош*). Однако в силу того, что это произошло относительно поздно (? XVIII в.), некоторые факты отражения а на месте праманс. **ā* спорадически могли сохраниться (Ташмья, Шарпань, Шарп); 2) появление а на месте праманс. **ǵ* (Палнае, Парча, Patschosch); 3) появление и на месте праманс. **ū* (оз. Луплинтур, р. Нюрма).

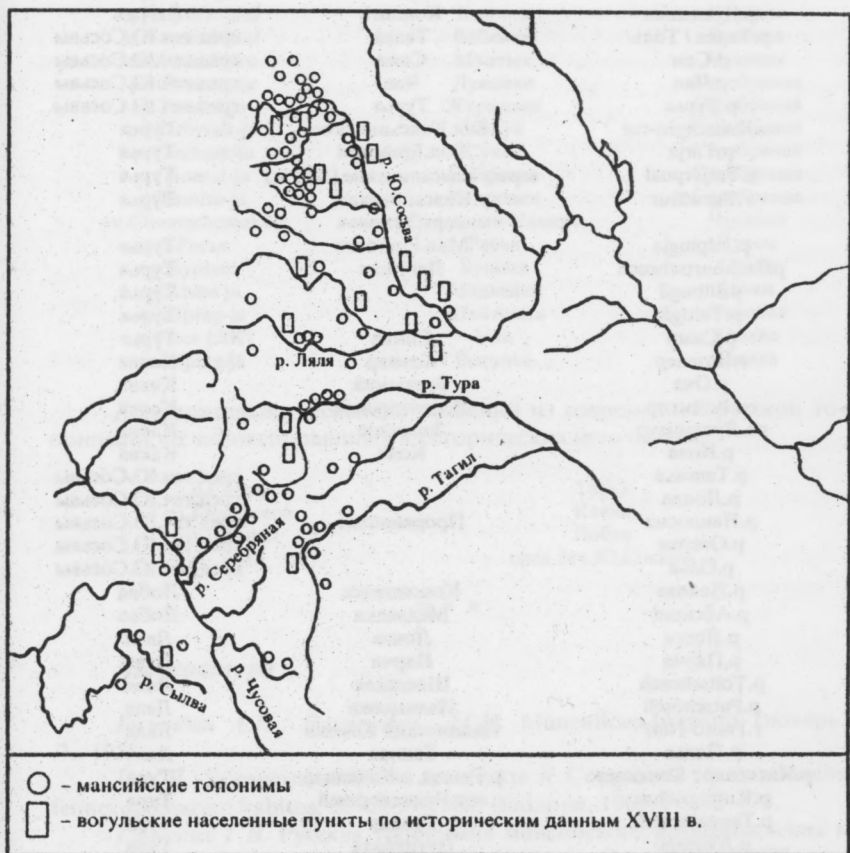
Последняя волна, связанная с процессом лабиализации и дифтонгизации *ā, захватившим во второй половине XVIII в. территорию зап.-манс. и вост.-манс. диалектов (Гуя 1963), до Южной Сосьвы не дошла: ср. р. Tarja (совр. р. Ершовка), С tarka, Л П t̄ari / toari, К tōari, Т t̄aru 'ерш' (Munkacsi, Kalman 1986, 631); р. Чашколанга / Чяшколанга, С sās, Л П šoāš / šāš, К soās, Т šāš 'бецета' (Munkacsi, Kalman 1986, 533); IOC sad (Helmersen 1841, 75), С sāt, Л П К soāt, Т sāt 'сень' (Munkacsi, Kalman 1986, 40); IOC kad / kat (Helmersen 1841, 76; Erman 1833, 386), С kāt, Л П koāt / kāt, К koāt, Т kāt 'пука' (Munkacsi, Kalman 1986, 200).

По всей видимости, консервируя архаичные южномансийские черты и испытывая сильное воздействие со стороны соседних западно-мансийских диалектов, говоры Южной Сосьвы вошли в XVII–XVIII вв. в особую группу говоров переходных между южномансийским и западномансийским наречиями.

* * *

Список мансийских топонимов, обозначенных на карте 4 (в список вошли факты, засвидетельствованные в XVIII в. на различных картах и в описаниях Г.Ф.Миллера, П.С.Палласа, И.Г.Гмелина, и к которым можно предложить достаточно надежную мансийскую этимологию; факты мансийской топонимии из мансийского языка не этимологизируемые, опускаются):

Топонимы	Современное русское название	Бассейн
р. Татамшош	Тамшер	верх.теч.Ю.Сосьвы
р. Гонгья		верх.теч.Ю.Сосьвы
г. Колтиера / Колтнора	Денежкин Камень	верх.теч.Ю.Сосьвы
оз.Колтор	Верхнее	верх.теч.Ю.Сосьвы
оз.Елпидор	Светлое	верх.теч.Ю.Сосьвы
оз.Сорот	Нижнее	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Талтия		верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Полчош / Полшош	Ходовая	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Толчош	Талая	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Sol-ja, Солья	Сольва	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Сопрое	Супрея	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Тангу	Тонга	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Шарыл	Шарп	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Елчош	Мостовая	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Чашколанга	Кедровая	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Пуя / Пуй	Пуя	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Калья	Калья	верх.теч.Ю.Сосьвы
р.Корья	Оленья	Вагран
р.Tout-ja	Лямпа	Вагран
р.Купне-ja	Оленья	Вагран



карта 4. Мансийские топонимы в горной части Среднего Урала

р. Lich-ja	Большой Лих	Вагран
г. Koïmb	Кумба	Вагран
р. Куалынка	Колонга	Вагран
р. Талья / Толь	Талая	сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Сам	Сама	сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Чап	Чап	сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Турья	Турья	сред. теч. Ю. Сосьвы
оз. Knäschpin-tur	Бол. Княсьпинское	Турья
р. Tarja	Бол. Ершовка	Турья
д. Tarjatpual	юрты Княсьпинские (XIX в.)	Турья
г. Torwätur	Княсьпинская, карт. Угловая	Турья
	Мал. Ершовка	
р. Jelpingja	Лягушка	Турья
р. Tschourtschosch		Турья
р. Jilbugä		Турья
р. Taltigä		Турья
р. Симр	Симка	Турья
г. Казенер	Козмер	Каква
р. Оча	Буртымка	Каква
оз. Воймтор	Воленаторское	Каква
оз. Луплинтур	Заречное	Каква
р. Кола	Кола	Каква
р. Ташмья		сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Лонда		сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Панлосма	Прорвинская	сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Оверка		сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Олья		сред. теч. Ю. Сосьвы
р. Палнае	Коноплянка	Лобва
р. Абсиша	Медведка	Лобва
р. Локса	Локса	Ляля
р. Парча	Парча	Ляля
р. Toltschosch	Шведская	Ляля
р. Patschosch	Налимовка	Ляля
г. Pauto-Nior	Павдинский Камень	Ляля
р. Панья	Банная	Ляля
р. Кискеняр / Кочканер	р. Гусева, г. Качканар	Тура
р. Kuungtschas	лог Чудотворный	Тура
р. Tangerbutten	Гунина	Тура
р. Awringö	Путиловка	Тура
р. Séuröngutschasch	Мраморная	Тура
р. Налим	Налим	Тура
р. Кошия, Кушья	Кушва	Тура
р. Вачка	Гаревка	Тура
р. Шусяж	Ольховка	Тура
р. Неунья / Нюя	Долгая Тура	Тура
р. Сорье / Сорья	Сорья	Салда
р. Нюкса		Салда
р. Нырья	Нырья	Тагил
р. Канчаш / Канчаша / Канчач	Канчаш	Тагил
р. Чаш	Чадар/Чабор	Тагил
р. Бандейка / Бандея	Бандейка	Тагил
р. Jelping-ja	Баранча	Тагил

ск. Jelping-Kue / Hoba-Jelping
 p. Paschja
 д. Kopsich-biul
 д. Garewal-biul
 ск. Amtzuk-ku
 p. Nörmang-ja
 p. Tarulal-ja
 p. Chabytalt-ja
 p. Tascham-ja
 p. Chontal-ja
 p. Tautim-ja
 ск. Chantschemakue
 p. Расья
 p. Бушаш
 p. Abass ja
 p. Jelping-ja
 p. Унья (ЛК)
 p. Jelping ja

Медведь-Камень
 Шайтанка
 Копчик
 Бабенки
 Мултык
 Луковка
 Журавлик
 Кокуй
 Сухая
 Бобровка
 Кедровка
 Писанный Камень
 Расья
 Бушаш
 Медведка
 Шайтанка
 Унь
 Вогулка

Тагил
 Тагил
 Чусовая
 Чусовая
 Чусовая
 Серебряная
 Серебряная
 Серебряная
 Серебряная
 Серебряная
 Чусовая
 Сулем
 Сулем
 Илим
 Чусовая
 Сылва
 Сылва

Дополнительно несколько названий из современной русской топонимии, не зафиксированных в исторических источниках:

р. Салья
 оз. Ендорское
 ур. Кампал
 оз. Урай

Турья
 Каква
 Лобва
 сред. теч. Ю. Сосьвы

* * *

Литература

Баладиш А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958.

Гуя Я. Древнемансийские диалекты // Congressus internationalis fenno-ugristarum habitus, 20-24.09.1960. Budapest, 1963. P. 172-175.

Глинских Г.В. Русская топонимия мансийского происхождения в бассейне реки Тавды: Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1972.

Иванова Е.Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.

Кирилов И.К. Атлас Всероссийской империи 1731 г. Л., 1959.

Лепехин И. Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1814. Ч. 3.

Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала: Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1958.

Матвеев А.К. Древнеуральская топонимия и ее происхождение // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 133-141.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987.

Матвеев А.К., Глинских Г.В. Материалы по мансийской топонимике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. Вып. 10. С. 5–68.

Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.

Паклина Е.Э. К изучению субстратной гидронимии бассейна реки Чусовой // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 81–83.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири 1701 г. СПб., 1882.

Ромбандеева Е.И. Мансийский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. С. 343–360.

Сорокин Н. Путешествие к вогулам // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1873. Т. 3, № 4. С. 3–59.

Ahlqvist A. Wogulisches Worterverzeichnis. Helsingfors, 1891. (Mémoires de la Société Finnoougrienne, 2).

Erman A. Reise um die Erde durch die Nord Asien und die beide Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin, 1833. Bd. I. Abt. I.

Gmelin G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Gottingen, 1752. Th. 4.

Gulya J. Egy 1736-bol szarmazo manysi nyelvemlek // Különylenyomat a Nyelvtudományi Közlemények LX. Kötetének. I. Számából. Budapest, 1958. P. 41–45

Gulya J. Egy sajátos deli vogul hangjeloles // Különylenyomat a Nyelvtudományi Ertekezések 40. Szamabol. Budapest, 1964. P. 121–123.

Helmersen G. Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835 von Gr. v. Helmersem. СПб., 1841. Ч. 1.

Honti L. Geschichte des obugrischen Vokalismus. Der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Munkacsi B., Kalman B. Wogulisches Wörterbuch, gesammelt von Bernat Munkacsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Bela Kalman. Budapest, 1986.

Pallas P.S. Reisen durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. СПб., 1773. Т. 2. Ч. 1.

Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.

Szilasi M. Vogul szójegyzek. Budapest, 1895. (Nyelvtudományi Közlemények, XIU).